

Иметь и не иметь

Автор:

[Эрнест Миллер Хемингуэй](#)

Иметь и не иметь

Эрнест Миллер Хемингуэй

Эксклюзивная классика (АСТ)

«Иметь и не иметь» (1937) – история Гарри Моргана, простого и честного рыбака, который превращается в контрабандиста. В основе повествования – судьба главного героя, ставшего преступником. Но кроме этого, «Иметь и не иметь» – остросоциальный роман, в центре которого конфликт бедности и богатства, имущих и неимущих, людей, которых бедность вынуждает преступать закон, и людей, наслаждающихся жизнью и прожигающих ее. Кто же из них более достоин порицания?

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Эрнест Хемингуэй

Иметь и не иметь

Ernest Hemingway

To Have and Have Not

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1937

© Школа перевода Баканова, 2016

© Перевод. И. Судакевич, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Впервые опубликовано издательством Scribner, a division of Simon & Schuster Inc.

* * *

Примечание автора:

Поскольку в последнее время наблюдается склонность отождествлять книжных персонажей с реальными людьми, автор считает уместным заявить, что в этой книге реальных людей нет: как сами персонажи, так и их имена выдуманы. Если и встречается имя какого-либо живущего человека, то лишь по чистой случайности.

Часть первая. Гарри Морган

(весна)

Глава первая

Представляете себе Гавану ранним утром, когда под окнами домов еще дрыхнут бродяги? Когда даже лед еще не начали развозить по барам?.. Словом, мы шли в «Жемчужину Сан-Франциско» выпить кофе, а когда пересекали площадь, на ней не спал лишь один попрошайка – хлебал воду из фонтана. Но когда мы вошли внутрь, там уже поджидали трое.

Мы сели, и один из них шагнул к нам.

- Ну? - сказал он.

- Не могу, - ответил я. - Рад бы помочь, да не могу. Еще вчера об этом говорил.

- Тогда назови свою цену.

- Не в этом дело. Просто не могу, и все.

Те двое тоже подошли и уныло маячили рядом. Врать не стану, с виду вроде неплохие парни, и я в самом деле был бы не прочь оказать им услугу.

- По тысяче монет с головы, - сказал тот, кто сносно владел английским.

- Не терзай мне душу, - сказал я ему. - Правду говорю: не могу я.

- Наступят другие времена, и когда здесь все изменится, тебе зачтется.

- Знаю. Я вообще за вас болею. Но согласиться не могу.

- Почему?

- Лодка меня кормит. Если ее конфискуют, я потеряю все.

- На эти деньги купишь новую.

- Сидя в каталажке?

Они, должно быть, решили, что я люблю, когда меня уламывают, потому что этот парень упрямо гнул свое.

- У тебя будет три тысячи долларов, плюс заслуги. Нынешний режим, знаешь ли, долго не протянет.

- Слушай, - говорю я, - меня не волнует, кто тут у вас президент. Главное, что я не вожу в Штаты ничего болтливое.

- Напекаешь, что мы будем болтать? - заявил один из молчунов. Да еще зло так.

- Я просто сказал: ничего болтливое.

- Так мы, по-твоему, ленгуас ларгас?

- Нет.

- Ты хоть знаешь, что значит ленгуа ларга?

- Знаю. «Длинный язык».

- А знаешь, что мы с такими делаем?

- Ты меня не страшай. Сами же первые подкатили. Я вам вообще ничего не предлагал.

- Панчо, заткнись, - бросил ершистому тот, кто затеял разговор.

- Так он же намекает, мы-де болтать возьмемся, - буркнул Панчо.

- Слушайте, - говорю, - я вам объясняю: я не вожу ничего, что умеет болтать. Спиртное не умеет. Оплетенные бутылки не умеют. Есть куча других вещей, которые не умеют болтать. Зато люди умеют.

- А китайцы? - зло напирал Панчо.

- Эти умеют болтать, да только я их не понимаю, - сказал я ему.

- Стало быть, не возьмешься?

- Еще вчера вечером ответил. Не могу я.

- Как насчет твоего языка? – поинтересовался Панчо.

Никак он не мог взять в толк, что происходит, и потому кипятился. А еще, должно быть, от разочарования. Я ему даже отвечать не стал.

- Ты сам-то не ленгуа ларга, случаем? – спросил он, не сбавляя тона.

- Вот еще.

- Чего-чего? Угрожаешь, что ли?

- Слушай, – говорю я ему. – И охота тебе буянить спозаранок? Поди, и так уже немало глоток перерезал. А я даже кофе не попил.

- Ты, значит, уверен, что я людям глотки режу?

- Нет, – говорю. – И мне плевать. Но ты умеешь вести разговор без вот этого бешенства?

- Ты меня взбесил. Прирезать бы тебя.

- Тьфу, черт, – говорю. – Думай, чего несешь.

- Ладно, Панчо, хватит, – сказал первый и обратился ко мне: – Извини, что так вышло. Жаль, что не можешь нас взять.

- Да и мне жаль.

Все трое поплелись к двери, и я проводил их взглядом. Симпатичные молодые парни, в добротной одежде, но без головных уборов; похоже, каждый при неплохих деньгах. Как бы то ни было, сумму они предложили приличную, да и разговаривали на том английском, на котором изъясняются кубинцы с деньгами.

Двое смахивали на родных братьев; третий, Панчо, был чуток повыше ростом, хотя выглядел по тому же образцу. Ладно скроенный, в хорошем костюме, с блестящими волосами. Мне еще подумалось, что он вряд ли настолько свиреп,

каким хотел показаться. Просто весь был на нервах.

Когда они, выйдя из кафе, свернули направо, я увидел крытую машину, что мчалась к ним через площадь. Первым делом посыпалось витринное стекло, и в батарею бутылок у правой стены угодила пуля. Я услышал пальбу, и – чпок-чпок-чпок – вдоль всей стены пошли лопаться бутылки.

Я нырнул влево, за стойку, откуда мог наблюдать, выглядывая за край. Машина замерла, рядом на земле скорчились двое мужчин: у одного в руках «томпсон», у другого – обрез из автоматического дробовика. Тот, что с автоматом, был негром. Его напарник носил белый шоферский пыльник.

Один из давешних парней распластался ничком на тротуаре, буквально в шаге от громадной разбитой витрины. Остальные двое притаились за ледовым фургоном с рекламой пива «Ла тропикал», что стоял у соседнего бара «Кунард». Одна лошадь билась в упряжи на земле, вторая неистово дергала головой.

Кто-то из ребят выстрелил из-за фургона, и пуля срикошетила от тротуара. Негр с автоматом чуть ли не вспахал лицом мостовую, очередью обработал фургон снизу, ну и, понятное дело, один из парней повалился на бордюрный камень. Пока он там дергался, прикрывая голову руками, шофер разрядил в него обрез, а негр тем временем возился со свежим диском. Впрочем, дистанция была приличной, и толку вышло мало. Дробь весь тротуар обметала серебристыми брызгами. Тот, второй, за ноги затащил раненого за фургон, и я увидел, как негр опять жметя щекой к мостовой, чтобы выдать по ним новую очередь. Тут смотрю, старина Панчо огибает фургон с той стороны, прячась за лошадью, что устояла на ногах. Потом выходит из-за лошади, а лицо все белое, как несвежая простыня, и разряжает в шофера свой громадный «парабеллум», для верности ухватив его обеими руками.

На ходу дважды промазывает по негру, взяв слишком высоко, затем еще раз слишком низко. Попадает в покрышку, так как я увидел фонтанчик пыли, обдавший тротуар, а потом, когда оставалось метра три, негр всадил ему в живот пулю из «томпсона». Думаю, последнюю, потому что он даже автомат отбросил, а старина Панчо осел как подрубленный и повалился ничком. Он еще пытался встать, цепляясь за свой «парабеллум», но никак не мог вскинуть лицо, и тогда негр взял шоферский обрез, что валялся возле колеса, и снес ему полчерепа. Тот еще негр.

Я быстренько отхлебнул из первой попавшейся бутылки и, признаться, не могу вам сказать, что в ней было. Вся эта история мне сильно не понравилась. Украдкой, прячась за стойкой, я выскользнул в кухню, а оттуда через заднюю дверь на улицу. Обогнул площадь, держась от нее подальше и даже не озираясь на толпу, которая стремительно стекалась к кафе. Миновал ворота, а вот и пристань, и я у себя на лодке.

Тип, который ее зафрахтовал, уже поджидал меня на борту. Я рассказал ему, что случилось.

- Но где Эдди? - спрашивает меня этот мистер Джонсон, наш фрахтователь.

- Как поднялась пальба, я его больше не видел.

- Думаете, его ранило?

- Черт возьми, нет, конечно. Я же говорю, единственные попадания внутри кафе пришлись на бутылки. И это было, когда машина их еще догоняла. То есть, когда застрелили первого парня, напротив витрины. Они во-от под таким углом свернули и...

- Откуда вы все так хорошо знаете?

- Так я же смотрел, - сказал я ему.

И тут, вскинув лицо, я увидел, как по пристани шагает Эдди; кажется, еще более долговязый и расхлябанный, чем обычно. У человека словно суставы при ходьбе развинчивались.

- Легок на помине.

Выглядел он изрядно помятым. На Эдди вообще грустно смотреть ранним утром, но нынче он сам себя превзошел.

- Ты где был? - поинтересовался я.

- На полу.

- А вы тоже это видели? - спрашивает Джонсон.

- Мистер Джонсон, - ответил ему Эдди, - давайте не будем об этом говорить. Не то меня стошнит при первой же мысли.

- Вам лучше выпить, - посоветовал ему Джонсон. А затем, обращаясь ко мне, сказал: - Итак, мы выходим?

- Это уж вам решать.

- Что за погода будет?

- Как и вчера. Может, даже получше.

- Тогда выходим.

- Ладно, вот только наживку дождемся.

Мы уже три недели возили этого типчика рыбачить в Гольфстриме, а я так и не увидел от него ни цента, если не считать той сотни долларов, что он дал мне еще перед выходом на Кубу для оплаты консульского и таможенного сборов, на кое-какую провизию и топливо. Рыболовными снастями обеспечивал я, а сошлись мы на тридцати пяти долларах в сутки. Ночевал он в гостинице, на борт заявлялся каждое утро. Эдди пришлось таскать за собой потому, что этот фрахт устроил он. За что и получал от меня по четыре доллара в день.

- Надо бы ее заправить, - сказал я Джонсону.

- Заправляйте.

- Так ведь на это деньги нужны.

- Сколько?

- За галлон просят по двадцать восемь центов. Долить надо сорок. Стало быть, одиннадцать двадцать.

Он вынул пятнадцать долларов.

- А на сдачу пива со льдом, или как? - спросил я.

- Да-да, - кивнул он. - Просто добавьте сколько нужно к тому, что я вам уже должен.

Меня беспокоила мыслишка, что я чересчур долго с ним затягиваю, но если ему вообще можно верить, не все ли равно: три недели или сколько? Хотя, по-хорошему, платить полагается еженедельно. Я и прежде позволял клиентам кататься по месяцу, и ничего, получал-таки свои денежки. Сам, конечно, виноват, да только очень мне сперва понравилось, что все так удачно складывается. Последние только деньки он меня тревожит, но я придерживал язычок, опасаясь, как бы он не разозлился. Так что если ему можно верить, чем дольше он катается, тем лучше.

- Бутылочку пива? - спросил Джонсон, открывая ящик.

- Нет, спасибо.

Как раз в этот момент на причале показался негр, который наживлял нам снасти, и я крикнул Эдди готовиться к отходу.

Негр со своей наживкой поднялся на борт, и мы отчалили, взяв курс из гавани; негр тем временем возился с наживкой: взяв сразу парочку макрелей, загонял им по крючку в рот, пропуская его через жабры, надсекал бок, после чего выводил крючок с той стороны, плотно стягивая рот лесой на проволочном поводке, чтобы крючок не скользил и наживка уходила в воду плавно, не раскручиваясь.

Это был настоящий, черный негр; сметливый и угрюмый малый, с ожерельем-амулетом из голубых бусин, которое он носил под рубашкой, в старенькой соломенной шляпе. У нас на борту его тянуло только спать да читать газеты. Но дело свое наживное он знал туго и был в нем весьма проворен.

- Шкипер, а вы тоже умеете вот так насаживать макрель? - спросил меня Джонсон.

- Да, сэр.

- Зачем же вам этот негр?

- Как пойдет большая рыба, сами все увидите, - ответил я ему.

- В смысле?

- Наш негр умеет это делать быстрее меня.

- А Эдди не умеет?

- Нет, сэр.

- Все равно, по мне - лишние траты.

Джонсон платил негру по доллару в день, и тот каждый вечер отправлялся плясать румбу. Вот и сейчас я видел, как его уже клонит в сон.

- Как раз он не лишний, - сказал я.

К этому времени мы уже миновали смэки, что стояли на якоре против Каваньи, а заодно и ялики, ловившие бельдюгу с каменистого дна возле форта Морро, и я повел лодку туда, где темной полосой пролегал Гольфстрим. Эдди подвесил за бортом пару приманок покрупнее, а негр уже наживил три удочки.

Гольфстрим подходил чуть ли не к мелководью, и когда мы приблизились, вода казалась почти лиловой, с частыми водоворотами. Поднимался легкий восточный бриз, и мы вспугнули множество летучих рыб, знаете, эдаких крупных, чернокрылых; в воздухе они смахивают на тот снимок, где изображен Линдберг над Атлантикой.

Эти большие летучие рыбы - самая верная примета. Насколько хватало глаз, всюду виднелись мочалки желтовато-белесых водорослей, которые дают понять, что основное течение подходит совсем близко к берегу, а впереди, над косяком тунцового молодняка, кружили птицы. Видно было, как тунцы выпрыгивают из

воды: маленькие, разве что по паре фунтов весом.

– Вот теперь можете забрасывать, – сказал я Джонсону.

Он надел на себя разгрузочный пояс и закинул длинное удилице с катушкой фирмы «Гарди» на шестьсот метров лесы в тридцать шесть нитей. Я обернулся; чуть покачиваясь на волнах, его наживка преспокойно плыла себе сзади, а обе приманки подпрыгивали и ныряли. Узлы мы давали правильные, и я направил лодку к главной струе Гольфстрима.

– Вставьте удилице в гнездо своего сиденья, – посоветовал я. – Тогда не так тяжело будет держать. А тормоз освободите, чтобы отпустить лесу, когда рыба клюнет. Не то при завинченном тормозе она вас сдернет за борт.

То же самое я повторял ему изо дня в день, но это меня не раздражало. Из полусотни клиентов, которых приходится возить, дело знает разве что один. Да и тот сплошь да рядом норовит выбрать лесу, которая слишком слаба для настоящей рыбы.

– Как погода? – спросил Джонсон.

– Лучше не бывает, – ответил я. И верно, денек выдался на славу.

Я передал штурвал негру, велел держать на ост, вдоль края Гольфстрима, а сам пошел на корму к Джонсону, который сидел и смотрел, как его наживка прыгает по волнам.

– Хотите, я поставлю второе удилице? – спросил я.

– Пожалуй, нет. Хочется все сделать своими руками: и подсекать, и вываживать, и затаскивать добычу.

– Хорошо, – говорю. – Может, Эдди только забросит удочку, а как клюнет, он ее передаст, и вы сами подсечете?

– Нет, – сказал он. – Пусть будет только одна удочка.

– Ладно.

Негр держал прежний курс, я пригляделся и понял, что он заметил, как у нас по носу выскакивает из воды стайка летучих рыб. За кормой я видел Гавану, изящно раскинувшуюся под солнцем, и пароход, который едва вышел из бухты у форта Морро.

– Думаю, что сегодня, мистер Джонсон, вам придется потрудиться, – сказал я ему.

– Давно пора, – ответил он. – Сколько мы этим уже занимаемся?

– Ровно три недели.

– Затянулась рыбалочка.

– Уж такая это рыба, – говорю я. – Коли ее нет, так и нет. Но когда придет, только держись. А приходит она всегда. Если ее не будет сегодня, то не будет вообще. Луна нынче правильная. Течение отличное, да и ветер наметился в самый раз.

– А мы когда первый раз вышли, видели ведь маленьких.

– Верно, – говорю. – Я же объяснял. Сначала приходят маленькие, а потом они уступают место большой рыбе.

– Знаете, у вас, шкиперов, одни и те же отговорки. То слишком рано, не сезон, то слишком поздно, то ветер не годится, а то еще луна какая-то неправильная. Зато деньги брать это почему-то не мешает.

– Ну, – отвечаю, – провалиться мне на месте, но так оно обычно и бывает: либо слишком рано, либо поздно, да и ветер по большей части не тот. А когда все сложится, ты кукуешь на берегу без клиента.

– Вы уверены, что сегодня день что надо?

– Кхм, – говорю, – как раз на сегодня мне уже хватило развлечений. Впрочем, готов побиться об заклад, что для вас все только начинается.

– Хорошо бы, – кивнул Джонсон.

К ловле все было готово. Эдди отправился на бак и улегся там. Я же остался стоять, выискивая глазами, не мелькнет ли где хвост. Негр клевал носом, так что приходилось следить и за ним. Ишь, какой ночной гуляка.

– Вам не трудно передать мне пива? – спросил Джонсон.

– Да нет, – ответил я и, сунув руку в лед, достал ему холодненького.

– А себе не хотите?

– Нет, – говорю. – Подожду до вечера.

Я откупорил бутылку и уже протягивал ее Джонсону, когда на моих глазах из воды выскочила здоровенная бурая башка с во-от таким копьевидным жалом, целясь на нашу макрель. Не рыбина, а целое бревно.

– Отпусти! Отпусти тормоз! – заорал я.

– Да он вроде и не клюнул...

– Тогда готовьтесь.

Эта зверюга выходила с большой глубины и потому промахнулась. Я знал, что она обязательно развернется, чтобы зайти вновь.

– Едва клюнет, сразу отпускайте!

И тут я увидел ее из-под воды за нашей кормой. Плавники топорщились, словно багровые крылья, а по бурой коже шли багровые же полосы. Она всплывала что твоя подлодка, вот уже и спинной плавник рассекает воду не хуже перископа. Рыба вышла ровнехонько на наживку, взметнув свое подрагивающее жало над

водой.

- Пусть хорошенько заглотит! – крикнул я.

Джонсон снял руку с катушки, и та зажужжала, а старый марлин развернулся и пошел, пошел вниз, посверкивая серебром сквозь воду, быстро набирая ход в сторону берега.

- Подбавьте тормоза, – посоветовал я. – Только немного.

Он подкрутил барашек.

- Слишком не надо, – сказал я. Леса отклонялась на глазах. – А потом резко по тормозу – и подсекайте! Подсекайте его! Он обязательно выпрыгнет.

Джонсон закрутил тормоз и перехватил удилице понадежней.

- Подсекайте! – скомандовал я. – Вгоняйте крючок! Раз пять, не меньше.

Он успел дернуть пару раз, и тут удилице согнулось чуть ли не вдвое, взвизгнула катушка – и в долгом прямом прыжке сверкающим под солнцем серебром взвился марлин, рухнув в воду с таким плеском, будто с обрыва спихнули конскую тушу.

- Так, отпускайте тормоз, – сказал я.

- Да сорвался, – посетовал Джонсон.

- Черта с два сорвался. Живей отпускайте, говорю!

Леса загнулась на воде петель, и в следующем своем прыжке он был у нас уже за кормой, торопясь в открытое море. Затем марлин вынырнул еще разок, вспенив воду, и я сумел заметить, что крючок впился ему в угол рта. Отличный экземпляр, ярко-серебристый, с багровыми полосами, настоящее бревно.

- Да сорвался же, – ныл Джонсон. Леса вяло провисла.

– Крутите, – не отставал я. – Говорю вам, крючок вогнали. Эй! – рявкнул я негру. – Врубай самый полный!

Еще два раза выходил марлин из воды, жесткий, как телеграфный столб, всем своим длинным телом целясь в нас, высоко взметывая воду при каждом падении. Затем леса натянулась, и я увидел, как он разворачивается, уходя к берегу.

– Ну все, начал свой бег, – сказал я. – Пусть петляет, сколько хочет, я с него не слезу. А вы не переборщите с тормозом. Леса у нас предостаточно.

Старый марлин шел к норд-осту, как оно и принято у всякой большой рыбы, а уж петли какие закладывал, доложу я вам... Взаялся скакать да рваться длинными дугами, плеща во все стороны под стать глиссеру на хорошей волне. Мы не отставали. Негра с руля я согнал и без усталости орал на Джонсона, мол, держи тормоз послабже, а удочку покрепче. И вдруг удилище резко дернулось, и леса тут же ослабла. Это понятно далеко не каждому, потому что со стороны она выглядит натянутой из-за трения об воду. Но я-то видел.

– Вот теперь сорвался, – сообщил я Джонсону.

Марлин так и продолжал скакать, пока не скрылся из глаз. Да-а, отличная рыбина, ничего не скажешь.

– Да ну, я же чувствую, он до сих пор тянет, – возразил Джонсон.

– Просто мертвый вес.

– Даже катушку прокрутить не удастся. А может, он сдох?

– Вы вон туда взгляните, – посоветовал я. – Скачет как заведенный.

И действительно, марлин в полумиле от нас по-прежнему брызгался водой.

Я попробовал стронуть катушку. Затянута наглухо. С таким тормозом лесу не отпустишь, не мудрено, что она лопнула.

- Я вам говорил не налегать на тормоз?

- Но он же лесу сматывал!

- И что?

- Я и затянул.

- Слушайте, когда рыба вот так бьется, она обязательно порвет лесу, если ее не вытравливать. Нет на свете лесы, которая бы это выдержала. Рыба требует? Дай. Не зажимай тормоз. Рыбак-промысловик, и тот не удержал бы ее - даже на гарпунном лине. От нас всего-то надо гоняться за рыбиной, чтобы она не выбрала всю длину. И всякий раз, когда она набесится, поднырнет, ты эту лесу сматываешь обратно.

- Значит, если бы она не лопнула, я бы его поймал?

- У вас имелись все шансы.

- Но он бы недолго бесился?

- Такая рыба умеет много чего. Гонка - только начало схватки.

- Ну, другую еще словим.

- Сперва лесу надо бы смотать, - говорю я ему.

Мы умудрились подцепить рыбину и потерять ее, не разбудив Эдди. Теперь старина Эдди вновь пожаловал на корму.

- Чего тут у вас? - спрашивает.

Неплохой был моряк, пока не спился; сейчас от него толку мало. Вот стоит он передо мной, долговязый, как жердь, щеки впавшие, челюсть безвольно отвисла, в уголках глаз какая-то белесая дрянь, волосы - и те выцвели под солнцем. Понятное дело, чего он проснулся: трубы горят.

– Ладно, возьми себе пива, – говорю ему.

Он взял бутылку из ящика и сразу ее осушил.

– Что ж, пойду-ка, пожалуй, сон досматривать. А за пиво очень вам обязан.

Ох уж этот Эдди. Плевать он хотел на рыбу.

Словом, ближе к полудню мы подцепили еще одного марлина, но он тоже соскочил.

– А с ним-то что я не так сделал? – спрашивает Джонсон.

– Ничего, – отвечаю я. – Он его сам взял да выдернул.

– Мистер Джонсон, – промолвил Эдди, проснувшийся за очередной бутылкой пива. – Мистер Джонсон, вам просто не повезло. Может, вы удачливее с женщинами? Как насчет устроить вылазку нынешним вечером?

С этими словами он вернулся на бак и опять там улегся.

Около четырех пополудни, на обратном пути, когда мы шли у берега против течения, где вода неслась, как в мельничном желобе, а солнце жарило нам в спину, у Джонсона клюнул до того громадный черный марлин, каких я в жизни не видел. В качестве приманки мы закинули сплетенного из перьев кальмара, а также поймали четверку мелких тунцов, одного из которых негр и насадил Джонсону на крючок. Неплохая наживка, только тяжеловата и порядком плещет на волне.

Джонсон распустил ремень-разгрузку, чтобы положить удилище на колени: у него устали предплечья от постоянного напряжения. А поскольку крупная наживка сильно оттягивает лесу, у него устала и ладонь, которой он придерживал катушку; вот он и затянул на ней тормоз, когда я отвлекся. Я понятия не имел, что он его завинтил. Ох, не нравилось мне, как он держит удилище, однако все время на него ворчать тоже не хотелось. А потом, когда тормоз снят, леса стравливается, так что опасности никакой не было. Но по-настоящему рыбу так не ловят.

Я стоял за штурвалом, ведя лодку вдоль края главной струи напротив старого цементного завода, где совсем рядом с берегом приличная глубина со своего рода водоворотом, и там всегда полно мелюзги для наживки. Вдруг смотрю, впереди фонтан, как от разрыва глубинной бомбы, и меч, и глаз, и раззявистая пасть, и громадная темно-багровая голова черного марлина. Спинной плавник целиком торчал над водой, высоченный и широченный, как парусник, и серповидный хвост тоже весь высунулся из воды, когда этот марлин набросился на нашего тунца. Его копьевидное рыло не уступало в обхвате бейсбольной бите и загибалось кверху, а когда он схватил наживку, то океан словно раздался перед ним. Весь такой черно-багровый, даже без отметин, и глаза размером с супницу. Здоровенная рыбина. Держу пари, не меньше тысячи фунтов весом.

Только я было заорал на Джонсона, чтобы он стравливал лесу, как его аж вздернуло в воздух будто подъемным краном. Он там повисел секунду, цепляясь за удилице, оно согнулось дугой, а потом как даст ему в живот комельком – и все наши снасти полетели за борт.

До отказа затянутый тормоз привел к тому, что когда рыба цапнула наживку, то сдернула Джонсона со стула, и тот не сумел ничего удержать: ведь комелек-то он подсунул под бедро одной ноги, а удилице было у него перекинуто через колено другой. Не распусти он свой ремень, то сам очутился бы в воде со всем хозяйством.

Я вырубил двигатель и отправился на корму. Джонсон сидел, держась за брюхо, куда ему врезало удилицем.

– Думаю, на сегодня хватит, – сказал я.

– Что это было?

– Черный марлин, – говорю.

– Как это случилось?

– А вы сами рассудите, – ответил я ему. – Кстати, катушка обошлась мне в двести пятьдесят долларов. Теперь такая стоит больше. Удилище я купил за сорок пять. И еще почти шестьсот метров лесы-«тридцатишестерки».

И тут наш Эдди хлопает его по спине.

- Мистер Джонсон, - говорит он, - вам и впрямь не везет. Знаете, я такого в жизни не видал.

- Помолчал бы, пьянчужка, - говорю ему.

- Ей-ей, мистер Джонсон, - продолжает Эдди, - редчайший случай.

- А если б он меня потащил? - спрашивает Джонсон. - Что тогда?

- Вы же сами хотели повоевать? - отвечаю. Очень мне было досадно.

- Он какой-то слишком большой, - говорит Джонсон. - С таким намучаешься.

- Слушайте, - говорю я. - Рыба таких габаритов вас бы попросту убила.

- Но другие же ловят?

- Ловят те, кто умеет и знает. Только не воображайте, что им это запросто дается.

- А я видел снимок девушки, которая сама такого поймала.

- Знаю я тот случай, - говорю. - Но там марлин целиком проглотил наживку; он всплыл да издох. Нет, я говорю о той ловле, когда им крючок в рот впивается.

- Ну знаете, - говорит Джонсон, - все-таки они слишком крупные. И зачем только люди этим занимаются, если нет удовольствия?

- Во-во, мистер Джонсон, - кивнул Эдди. - Прямо, можно сказать, в глаз угодили, а не в бровь. Действительно, когда без удовольствия, то зачем?

Меня до сих пор колотило от зрелища той рыбины, а заодно и подташнивало при мысли о потерянных снастях, и выслушивать все это я не мог. Велел негру вести лодку к Морро, а этим двоим вообще ничего не сказал. Там они и сидели: Эдди с

бутылкой пива на одном стуле, на другом – Джонсон.

– Шкипер, – говорит он мне спустя некоторое время, – а сделайте мне виски с содовой.

Я ему сделал стакан – молча, – а потом налил и себе, но уже неразбавленного. В голове вертелось, что этот Джонсон почти месяц выходит на рыбную ловлю, наконец цепляет рыбу, за которой истый рыбак год гоняется, рыбу эту теряет, заодно губит мои самые серьезные снасти, в целом ведет себя как олух, а теперь, видите ли, сидит, весь из себя довольный, освежается пивом на пару с местным забулдыгой.

Когда мы вошли в док и негр выжидающе замер на палубе, я сказал:

– Как насчет завтра?

– Вот уж не думаю, – сказал Джонсон. – Такой рыбалкой я сыт по горло.

– Негру заплатить не желаете?

– И сколько я ему должен?

– Доллар. Если хотите, можете дать на чай.

Вот Джонсон и дал негру доллар плюс пару монет по двадцать кубинских сентаво.

– Это зачем? – спрашивает меня негр, показывая монетки.

– Чаевые, – отвечаю ему по-испански. – Все, уволили тебя. Ты получил расчет.

– Завтра не приходите?

– Нет.

Негр забирает моток бечевки, которой стягивал наживку, цепляет солнечные очки, нахлобучивает свою соломенную шляпу и уходит, не прощаясь. Он вообще был невысокого о нас мнения.

- Когда вы планируете со мной рассчитаться, мистер Джонсон? - спрашиваю я.

- Завтра утром зайду в банк, - отвечает он. - Так что можем рассчитаться после обеда.

- Вы помните, сколько там дней набежало?

- Пятнадцать.

- Нет. С учетом сегодняшнего - шестнадцать, плюс по одному дню до Кубы и обратно. Итого восемнадцать. А еще сегодняшнее удилище вместе с катушкой и лесой.

- Снасти - это ваш риск.

- Нет, сэр. Вы же их упустили.

- Я оплачивал ежедневную аренду. Так что риск ваш.

- Нет, сэр, - говорю ему. - Кабы рыба все сама оборвала, то и разговор был бы другим, раз не по вашей вине. А так вы все мое хозяйство утеряти по личному недосмотру.

- Ваша рыба его у меня из рук выдернула.

- Потому что вы завинтили тормоз, а удилище не стояло в гнезде.

- Вы не имеете права требовать за это деньги.

- Если б вы взяли машину напрокат, а она сорвалась бы с обрыва, как считаете, вам бы пришлось за нее заплатить?

– Если б я в ней сидел, то нет, – отвечает Джонсон.

– Вот это да, мистер Джонсон! – говорит Эдди. – Нет, шкип, ты понимаешь, а? Если б он в ней сидел, то расшибся бы насмерть. Стало быть, и не платил бы. Ловко завернуто.

Слова пьянчужки я пропустил мимо ушей.

– Вы должны мне двести девяносто пять долларов за удилище и катушку с лесой, – сказал я Джонсону.

– Безобразие какое, – говорит он. – Но раз уж вы так настроены, предлагаю покрыть убыток пополам.

– Покупка новых снастей обойдется мне не меньше чем в триста шестьдесят. И я даже лесу вам в счет не ставлю. Такая рыба способна смотать всю катушку, и здесь вашей вины не будет. Если б нас кто сейчас видел, кроме этого выпивохи, то всякий подтвердил бы, что я лишнего не требую. Я знаю, сумма выглядит немаленькой, но я же ее заплатил, когда покупал снасти. На особую рыбу и снасть нужна особая.

– Мистер Джонсон, он зовет меня выпивохой. Может, так оно и есть. Но я вам говорю: он прав. Он прав и лишнего не требует, – сказал ему Эдди.

– Будь по вашему, – кивнул наконец Джонсон. – Я заплачу, хотя и считаю, что вы не правы. Итого восемнадцать дней по тридцать пять долларов плюс двести девяносто пять доплаты.

– Сотню вы мне дали, – напомнил я ему. – Я подготовлю вам список, что куда потратил, и вычту, какие есть остатки из провизии. Той, которую вы покупали на переход до Кубы и обратно.

– Что ж, справедливо, – согласился Джонсон.

– Слушайте, мистер Джонсон! – восхитился Эдди. – Если б вы только знали, какие обычно требуют деньги с заезжих клиентов, вы бы оценили. Это не просто справедливо, это ни в какие ворота не лезет! Наш шкип держит вас за родную

мать!

- Завтра наведаюсь в банк и после обеда приду. А послезавтра сяду на пароход.

- Так ведь с нами можно вернуться. Сэкономили бы на проезде.

- Нет, - сказал он. - Я лучше сэкономлю время.

- Что ж, - говорю. - Как насчет по стаканчику?

- Пожалуй, - кивнул Джонсон. - Итак, никто не в обиде?

- Нет, сэр, - отвечаю ему. И мы уселись втроем на корме, попивая виски с содовой.

Все следующее утро я провозился на борту, меняя масло и занимаясь то одним делом, то другим. В полдень наведался в город перекусить в китайской забегаловке, где прилично кормят за сорок центов, потом купил подарки жене и нашим трем девчонкам. Ну, сами знаете, что-то из парфюмерии, парочку вееров и три высоких гребня. Покончив с этим, заглянул в бар к Доновану, взял пива и поболтал с хозяином, а затем вернулся на пристань, еще пару-тройку раз подкрепившись пивом по дороге. В баре «Кунард» угостил Фрэнки парочкой кружек и поднялся на лодку в самом лучшем расположении духа. В кармане оставалось еще сорок центов. Фрэнки составил мне компанию, и пока мы сидели на борту, дожидаясь Джонсона, то распили еще по бутылке холодного из ящика со льдом.

Эдди за весь день не показал и носа, но я знал, что он рано или поздно объявится, а точнее, когда ему окончательно откажут давать в долг. Донован рассказал, что накануне вечером Эдди заглядывал к нему на пару с Джонсоном и что Эдди сам угощал того в кредит. Словом, мы сидели и ждали, и я уже начинал беспокоиться, куда запропастился Джонсон. Я заранее предупредил ребят на причале, чтобы он в мое отсутствие дожидался на борту, но, как выяснилось, он не приходил. Может, он развлекался до утра и встал лишь к полудню? Впрочем, банки открыты до половины четвертого. Потом мы увидели улетающий рейсовый самолет, и к половине шестого от прекрасного настроения не осталось и следа; меня грызли самые мрачные предчувствия.

В шесть вечера я отправил Фрэнки в гостиницу разузнать про Джонсона. Мне по-прежнему хотелось верить, что тот просто где-то задерживается или, скажем, не в силах подняться с кровати после вчерашнего. Я ждал и ждал, пока не стемнело. Весь извелся, потому что Джонсон задолжал мне восемьсот двадцать пять долларов.

Фрэнки отсутствовал чуть больше получаса. Вернулся он быстрым шагом и по дороге тряс головой.

– Улетать на самолет, – сказал он.

Ну вот, пожалуйста. Консульство успело закрыться. У меня сорок центов, да и самолет уже в Майами. Даже телеграмму не пошлешь. Вот тебе и мистер Джонсон. Да я сам виноват. Зазевался.

– Ладно, – говорю я Фрэнки, – остается разве что по холодненькой пропустить. На его же денежки.

В ящике лежали еще три бутылки «Ла тропикал».

Фрэнки переживал не меньше моего. Уж не знаю, почему, но такое было впечатление. Сидел и все хлопал меня по спине, качая головой.

Подобьем итоги. Итак, я на мели. Потерял пятьсот тридцать долларов фрахта, да еще снасти, которые и за триста пятьдесят не заменишь. Эх, думал я, вот здешняя шатия-братия посмеется, узнав о таком. Сыщется среди кончей[1 - Конч (искаж. от исп. la concha, «ракушка») – выходец с островов Флорида-Кис. – Здесь и далее примечания переводчика.] не один любитель позлорадствовать. А я к тому же днем раньше отвернулся от трех тысяч долларов за перевозку трех нелегалов. На любой флоридский островок, лишь бы подальше от Кубы.

И как теперь быть? Очередную ходку сделать не могу: на партию контрабанды нет денег, да и былого дохода это уже не приносит. Город наводнен спиртным, его даже не берут. Но провалиться мне на этом месте, если я вернусь в Ки-Уэст без гроша, чтобы все лето голодать. И потом, я же семейный человек. Портовый сбор оплатил еще по приходу. Уж так принято: ты заранее платишь агенту, он тебя регистрирует и выдает нужные разрешения. Проклятье, даже на топливо денег нет. Ничего себе положеньице. Вот тебе и мистер Джонсон.

– Фрэнки, – говорю я. – Мне вот так надо что-то переправить. Хоть какие-то деньги заработать.

– Хорошо, я искать, – отвечает он.

Фрэнки целыми днями промышляет возле пристани – то там подсобит, то здесь, плохо слышит и каждый вечер надирается. Зато никогда не подводит, и сердце у человека золотое. Мы знакомы с тех самых пор, как я стал сюда наведываться. Не раз и не два помогал он мне грузить товар. Потом, когда я бросил заниматься контрабандой и взялся сдавать лодку напрокат, затеяв ловлю меч-рыбы в заливе, я частенько видел его у пристани или в кафе. Он смахивает на дурачка – почти не говорит, предпочитая просто улыбаться, – но это у него от тугоухости.

– Возить все-все? – спрашивает Фрэнки.

– А то, – отвечаю. – Теперь мне не до выбора.

– Совсем-совсем все-все?

– Да говорю же.

– Хорошо, я смотреть. Ты где, когда я искать?

– В «Ла-Перла». Подкрепиться бы надо.

В «Ла-Перла» – «Жемчужине» – можно неплохо подзаправиться за четвертак. Там любое блюдо обойдется в десять центов, а супец вообще в пять. Фрэнки проводил меня до кафе, я зашел внутрь, а он отправился дальше. Прежде чем расстаться, он потряс мне руку и еще разок хлопнул по плечу.

– Не унывать, – сказал он. – Смотри на Фрэнки: много политика. Много дела. Много выпивка. Мало деньги. Но большой друг. Не унывать.

– Бывай, Фрэнки, – сказал я. – Тебе тоже не унывать, парень.

Глава вторая

Я вошел в «Жемчужину» и устроился за столиком. В расстрелянном окне уже стояло новое стекло, да и бутылочную горку привели в порядок. У стойки с выпивкой толпились гальего[2 - Гальего – грузчик, поденный рабочий (на Кубе).], кое-кто просто перекусывал. За одним столом уже шла игра в домино. Я взял похлебку из черных бобов и тушеную говядину с картошкой за пятнадцать центов. Вместе с пивом «Хатуэй» это потянуло на четвертак. Заговорил было с официантом про стрельбу, но он отмалчивался. Все они были здорово напуганы.

Я закончил ужин, откинулся на спинку стула, затянулся сигаретой и продолжил ломать себе голову. Тут смотрю, входит Фрэнки, а за ним еще кое-кто. Желтый товар, подумал я про себя. Стало быть, желтый товар.

– Это мистер Синг, – улыбаясь, сказал Фрэнки. Он и сам знал, что отличился, сумев быстро найти клиента.

– Приветствую вас, – промолвил мистер Синг.

В жизни не видел более лощеного создания, чем этот мистер Синг. Хоть и китаец, а говорит точно англичанин, и на нем был белый костюм, шелковая сорочка с черным галстуком и панама – из тех, что идут по сто двадцать пять долларов.

– Чашечку кофе? – спросил он меня.

– Разве что за компанию.

– Благодарю, – сказал мистер Синг. – Мы тут совсем одни?

– Да, – отвечаю, – если не считать всей прочей публики.

– Это не страшно, – сказал мистер Синг. – Итак, у вас есть судно?

– Тридцать восемь футов, – говорю. – Керматовский движок на сто лошадей.

- М-м, - говорит мистер Синг. - Я ожидал кое-чего посолиднее.

- Моя лодка запросто берет двести шестьдесят пять ящиков.

- И я мог бы ее зафрахтовать?

- На каких условиях?

- Вам ехать не нужно. Капитаном и командой я обеспечу сам.

- Э-э, нет, - говорю. - Куда лодка, туда и я.

- Понимаю-понимаю, - говорит мистер Синг. - Вы нас не извините на минутку? - затем обращается он к Фрэнки.

Тот стоит себе, улыбается, глазами хлопает.

- Да он глухой, - говорю. - И по-английски плохо разбирает.

- Понимаю-понимаю, - вновь кивает мистер Синг. - Зато вы говорите по-испански. Скажите ему, чтобы он нас оставил.

Я выразительно ткнул большим пальцем в сторону барной стойки. Фрэнки понятливо кивнул и ушел.

- А вы не говорите по-испански? - спрашиваю я.

- Ну как же, - отвечает мистер Синг. - Итак, какие же обстоятельства могли бы... э-э... заставили вас...

- Я на мели.

- Понимаю-понимаю. А скажите, сама лодка не заложена? По ней можно предъявить иск?

- Нет.

- Превосходно, - говорит мистер Синг. - Сколько моих злосчастных соотечественников она сможет вместить?

- В смысле, перевезти?

- Вот-вот.

- Далеко?

- День пути.

- Не знаю, - говорю. - С дюжину, если без вещей.

- Вещей у них не будет.

- И куда их надо?

- Это на ваше усмотрение, - говорит мистер Синг.

- То есть... я сам решу, где их высадить?

- Вы берете их на борт с тем, чтобы на Драй-Тортугас их забрала шхуна.

- Послушайте, - говорю я. - Там же логгерхедский маяк с радиостанцией.

- Именно, - отвечает мистер Синг. - Было бы крайне глупо высаживать их на Драй-Тортугас.

- Что же получается?

- Я сказал, вы берете их на борт для перевозки в ту сторону. Так с ними условлено.

- Ага, - говорю.

- А высадите их там, где сочтете нужным.
- Но шхуна-то придет за ними на Драй-Тортугас?
- Разумеется, нет. Что за глупости.
- Сколько с головы?
- По пятьдесят долларов.
- Нет.
- А если по семьдесят пять?
- Вы сами-то сколько получаете с головы?
- Это не имеет к делу никакого отношения. Мою роль, знаете ли, можно рассматривать с разных сторон. Под разными, так сказать, углами. Многочисленными.
- Ага, - говорю. - И свою роль я тоже должен играть бесплатно. Так, что ли?
- Прекрасно вас понимаю, - отвечает мистер Синг. - Что ж, скажем по сто долларов.
- Слушайте, - сказал я. - Вы знаете, сколько лет тюрьмы мне светит, если поймают за руку?
- Десять, - говорит мистер Синг. - А то и больше. Но почему непременно тюрьма, дорогой капитан? Вы рискуете лишь при погрузке пассажиров. Все прочее зависит от вашей осмотрительности.
- А если они вернутся и потянут вас к ответу?
- Нет ничего проще. Я скажу им, что вы меня обманули. Затем частично возмещу расходы и отправлю вновь. Они ведь понимают, что путешествие не из простых.

– А со мной как?

– Думаю, что придется кое-что сообщить в консульство.

– Ясно.

– В наше время, капитан, тысяча двести долларов – не та сумма, чтобы смотреть на нее свысока.

– Когда я получу деньги?

– Как ударим по рукам, получите двести, а еще тысячу при погрузке.

– А если я возьму задаток да сбегу?

– Тут я бессилен, – усмехнулся он. – Но вы, капитан, так не поступите, и это я знаю.

– Задаток при вас?

– Разумеется.

– Суньте деньги под тарелку.

Он повиновался.

– Ладно, – говорю. – Утром выправлю разрешение на выход, а с темнотой выйду. Так, где грузиться будем?

– Как насчет пляжа Бакуранао?

– Годится. У вас там все подготовлено?

– Разумеется.

- Теперь по погрузке, - говорю. - В нужном месте ставите два фонаря, один над другим. Я зайду на них с моря. Вы подходите ко мне на лодке и грузитесь с воды. Сами, лично, подниметесь ко мне борт с деньгами. Человечка не возьму, пока не получу плату.

- Нет, - отвечает он. - Половину перед погрузкой, а вторую когда закончите.

- Ладно, - киваю я. - Это справедливо.

- Значит, по рукам?

- Да вроде бы, - говорю. - И чтоб никаких вещей и никакого оружия. Ни револьверов, ни ножей, ни бритв; ничего. В этом я должен быть уверен.

- Капитан, - сказал мистер Синг, - вы мне не доверяете? Разве наши интересы не совпадают?

- Обещаете проверить?

- Вы ставите меня в неловкое положение. Разве вы не видите, что у нас общие интересы?

- Ладно, - говорю. - В котором часу вы там будете?

- Ближе к полуночи.

- Ладно... Ну, как будто все.

- Вам какими купюрами?

- Можно сотнями.

Он поднялся, и я проводил его взглядом. На выходе ему улыбнулся Фрэнки. Синг не удостоил его и взглядом. Говорю же, лощеный был типчик. Тот еще китаёза.

К столу подошел Фрэнки.

- Ну? - спрашивает.

- Откуда ты знаешь мистера Синга?

- Он переправляет китайцы, - сказал Фрэнки. - Большой дело.

- Давно он здесь?

- Два года, - отвечает Фрэнки. - Раньше другой переправляет. Кто-то его убивать.

- То же самое ждет и мистера Синга.

- Конечно. Разве нет? Такой пребольшой бизнес.

- Тот еще бизнес, - говорю.

- Большой, - твердо кивает Фрэнки. - Китайцы на лодка уже никто не видеть. Другой китайцы писать письма, говорить все-все хорошо.

- Просто великолепно.

- Такой китайцы не уметь писать. Какой уметь писать, все богатый. Еда нет. Только рис. Здесь живет сто тысяч китайцы. Только три китайская женщина.

- Отчего же?

- Правительство не пускать.

- Однако, - говорю.

- Ты и он иметь дело?

- Не исключено.

– Хороший дело, – кивает Фрэнки. – Лучше чем политика. Много денег. Пребольшой бизнес.

– Возьми бутылочку пива, – говорю ему.

– Ты уже не унывать?

– Да ну, к черту, – говорю. – Пребольшой бизнес. Весьма обязан.

– Хорошо, – кивает он и хлопает меня по плечу. – Я теперь рад. Лишь бы ты довольный. Китайцы – хороший дело, а?

– На редкость.

– Я так рад, – говорит Фрэнки, и я вижу, что он готов слезу пустить от умиления, что все так славно складывается. Теперь пришлось мне хлопнуть его по спине. Тот еще Фрэнки.

С утра я первым делом изловил агента и попросил оформить мне разрешение. Он потребовал представить судовую роль, и я ответил, что команды вообще нет.

– Собрались возвращаться в одиночку, капитан?

– Совершенно верно.

– А что с вашим помощником?

– Он в запое.

– Одному очень опасно.

– Да всего-то девяносто миль, – говорю. – Думаете, пьяница на борту что-то изменит?

Я отвел лодку к стандардойловскому причалу, что расположен на той стороне бухты, где и заправил оба бака. Вышло порядка двухсот галлонов. Очень мне не

хотелось брать столько топлива по двадцать восемь центов за галлон, но еще толком не ясно, куда доведется идти.

С той самой минуты, как я встретился с китайцем и взял у него деньги, вся эта история не выходила из головы. За ночь почти глаз не сомкнул. А когда вернулся к причалу «Сан-Франциско», там меня ждал Эдди.

– Здорово, Гарри, – крикнул он и помахал рукой. Я швырнул ему бакштов, он закрепил его, потом поднялся на борт. Все такой же долговязый, мутноглазый и полупьяный, если не сказать больше. Я по-прежнему молчал.

– Слушай, – говорит. – Хорош гусь, а, этот Джонсон? Взял да свалил. Ты случаем не в курсе, где его найти?

– Шел бы ты отсюда – сказал я ему. – Видеть тебя не могу.

– Братишка, да разве мне легче? Я точно так же огорчен.

– Вон с лодки, – говорю.

А он только уселся поудобнее и даже ноги вытянул.

– Я слышал, мы едем сегодня, – продолжает. – И то верно, нечего тут больше делать.

– Ты не едешь.

– Что случилось, Гарри? Чего ради тебе со мной ссориться?

– Чего ради? Пошел вон.

– Да брось ты.

Я врезал ему по лицу, он поднялся и слез на причал.

– С тобой, Гарри, я бы никогда так не обошелся.

- Еще бы ты посмел, - говорю. - А с собой все равно не возьму. И точка.

- Бить-то зачем?

- Чтоб проняло.

- Как же мне теперь? С голоду пухнуть?

- А ты не пухни, - отвечаю. - Пойди вон матросом на рейсовый пароход. Отработаешь обратный путь.

- Не по-людски ты со мной, - пожаловался он.

- Ты сам-то с кем по-людски поступаешь, забулдыга? - говорю я ему. - Ты же мать родную обжулить готов.

Что, кстати сказать, было правдой. Но мне стало неприятно, что я его ударил. Бить пьяного всегда неприятно. Хотя на такое дело его все равно брать нельзя; даже если б я и хотел, все равно нельзя.

Он захромал к воротам, длинный, как день без завтрака. Потом остановился и побрел обратно.

- Гарри, ты бы не одолжил мне парочку долларов, а?

Я дал ему пятидолларовую бумажку из денег китайца.

- Я всегда знал, что ты мне друг... Гарри, почему ж ты меня не берешь?

- От тебя одни несчастья.

- Ты просто злишься. Ну ладно, старина. Еще будешь рад со мной свидеться.

Теперь, с деньгами, он пошел куда быстрее, но, право, на него даже смотреть тошно. Он ступал так, словно суставы у него были вывернуты задом наперед.

Я сходил в «Жемчужину», встретился там с агентом, и он передал мне бумаги, а я угостил его пивом. Потом я сел завтракать, и тут пришел Фрэнки.

– Просить тебе передавать, – говорит он и сует мне какую-то трубочку в бумажной обертке и с красным шнурком. Когда я снял бумагу, там оказалась фотография, и я ее развернул ее, ожидая увидеть, к примеру, снимок моей лодки, сделанный кем-то на причале.

Не тут-то было. Оказывается, это голова какого-то мертвого негра с перерезанным от уха до уха и затем зашитым горлом, а на груди плакатик с надписью по-испански: «Вот как мы поступаем с ленгуас ларгас».

– Просили передать, говоришь? – спросил я Фрэнки. – Кто?

Он показал на парнишку, который околачивается возле порта и давно связан с местным жульем. Парнишка стоял у стойки с закусками.

– Скажи ему, пусть подойдет.

Тот подошел. Он сказал, что это ему дали двое молодых людей сегодня утром, часов в одиннадцать. Спросили, знает ли он меня, и он ответил, мол, да. Потом он отдал это Фрэнки, чтобы тот передал мне. Получил за это доллар. Они были хорошо одеты, добавил он.

– Политика, – понимающе кивнул Фрэнки.

– Не иначе, – сказал я.

– Они решили, вы заявите в полицию, что вчера утром встретили здесь тех ребят.

– Не иначе.

– Плохой политика, – сказал Фрэнки. – Хорошо, что ты уезжать.

– На словах что-нибудь просили передать? – спросил я парнишку.

- Нет, - отвечает. - Только вот это.

- Мне пора, - сказал я Фрэнки.

- Плохой политика, - повторил он. - Очень плохой.

Документы, что дал мне агент, я сгреб в стопку, уплатил по счету, вышел из кафе, пересек площадь, затем нырнул в ворота и был очень доволен, когда миновал склад и выбрался на пристань. Эти мальчишки нагнали-таки на меня страху. У таких вполне хватит ума вообразить, будто я кому-то чего-то сболтнул про тех парней. Они все что давешний Панчо. От испуга сами себя заводят, а как заведутся, их тянет на мокрое дело.

Я поднялся на борт и взялся прогревать двигатель. Фрэнки стоял на пристани и смотрел. Он улыбался все той же странноватой улыбкой глухого. Пройдя к нему ближе, я сказал:

- Слушай, - говорю. - Как бы тебе из-за этого в беду не влипнуть.

Он не слышал. Пришлось орать в голос.

- Мой хороший политика, - сказал Фрэнки. И отвязал причальный конец.

Глава третья

Франки зашвырнул трос мне на палубу, я махнул ему рукой и, отведя лодку от пирса, направил ее в пролив. В море выходил английский грузовой пароход, я с ним поравнялся и обогнал. Сидел он низко-пренизко от большого груза сахара, весь ржавый. Какой-то лимонник[3 - Для профилактики цинги в XVI веке английским матросам предписывалось пить лимонный сок; отсюда и пошло это насмешливое прозвище.] в старом синем свитере смотрел на меня с кормы, пока я проходил мимо. Я вышел из гавани, миновал Морро, где и взял курс на Ки-Уэст, строго на норд. Оставив штурвал, отправился на бак, смотал причальный конец в бухточку, вернулся в рубку, а потом просто держал курс, так что Гавана, поначалу широко раскинувшаяся за кормой, понемногу затерялась на фоне

далеких гор.

Спустя какое-то время скрылся из виду Морро, потом отель «Насьеналь», и, наконец, в виду остался только купол Капитолия. В сравнении с тем днем, когда мы последний раз выходили рыбачить, течение было несильным, и дул слабенький бриз. Я увидел пару смэков, возвращавшихся в Гавану; они шли на ост, и вот почему я понял, что течение слабое.

Я вырубил двигатель. Не жечь же топливо понапрасну. Пусть сама дрейфует. А как стемнеет, я запросто сориентируюсь по маяку Морро, ну а если нас снесет слишком далеко, по огням Кохимара, и тогда уже вдоль берега пройду на Бакурао. По моим прикидкам, к наступлению темноты нас при таком течении отнесет как раз миль на двенадцать, к самому Бакурао, где я увижу огни Баракоа.

Итак, я заглушил мотор и полез наверх, чтобы осмотреться. Только и видно, что два смэка на западе, идущие в порт, да белый купол Капитолия, далеко-далеко, на краю моря. Попадались кое-какие желтые пятна водорослей, над ними возились птицы, но их было немного. Я посидел на крыше рубки, глядя по сторонам, однако не увидел никакой рыбы, кроме той бурой мелочи, что копошится в водорослях. Не верьте, если кто-то возьмется уверять, будто от Гаваны до Ки-Уэста подать рукой. А у меня еще весь путь впереди.

Немного погодя я спустился в кубрик – глядь: а там Эдди.

– Гарри! Что случилось? Что случилось с мотором?

– Накрылся.

– А люки чего не задраиваешь?

– Тьфу ты, черт, – говорю.

Знаете, чего он выкинул? Он вернулся, тайком прошмыгнул на борт через люк на баке, оттуда в каюту и завалился спать. С собой прихватил пару бутылок. Заскочил в первый попавшийся бодэга[4 - Бодэга (исп.) – кабачок, винный погреб.], где взял спиртного, и вернулся на лодку. Когда я запустил мотор, он

было проснулся и сейчас же заснул. А когда я остановился, и лодку начало мотать, он, видите ли, обеспокоился.

- Гарри, - заявляет, - я знал, что ты меня отвезешь.

- К чертям? Охотно, - говорю я. - Ты даже в судовой роли не записан. Ты у меня сейчас за борт прыгнешь.

- Старый ты шутник, Гарри. Землякам в беде друг за дружку держаться надо.

- Болтун ты, - говорю. - Да кто тебе верить возьмется, когда ты проспирован?

- Нет, Гарри, я человек надежный. Вот испытай, тогда увидишь, до чего я надежный.

- А ну-ка дай сюда обе бутылки.

Он притащил ром, я отхлебнул из уже початой, а потом убрал бутылки в ящик возле штурвала. Смотрю на Эдди и думаю: жаль его. И жаль, что придется делать то, без чего не обойтись. Проклятье, ведь я помнил его, когда он был еще человеком.

- Так что с мотором, Гарри?

- Мотор-то в порядке.

- А что же случилось? Ты чего на меня так смотришь?

- Эх, брат, - сказал я, и мне было жаль его. - Плохи твои дела.

- Ты к чему клонишь?

- Да сам еще не уверен, - говорю. - Обмозговать надо.

Мы там еще посидели, но разговаривать с ним мне больше не хотелось. Тяжело говорить с человеком, когда ты уже знаешь. Чуть погода я слазил вниз за

помповиком и винчестером тридцатого калибра, которые всегда держал в каюте, и, не вынимая из чехлов, подвесил их под потолком рубки, где обычно мы вешаем удочки, над самым штурвалом, чтобы были под рукой. Я их держу в чехлах из овчины, вывернутой внутрь коротко стриженной шерстью, которая пропитана маслом. А по-другому на борту от ржавчины не уберечься.

Разблокировал затвор помповика, передернул его несколько раз, набил до отказа и передернул еще разок, чтобы дослать в ствол. На винчестере загнал патрон в патронник и заправил весь магазин. Из-под матраса достал «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра, который остался у меня со времен службы в полиции Майами, разобрал, почистил, смазал, зарядил и повесил в кобуре себе на пояс.

- Что, черт возьми, происходит? - насторожился Эдди.

- Ничего, - говорю.

- Тогда на кой ляд весь этот арсенал?

- А я всегда беру оружие. Отпугивать птиц, если примутся клевать наживку, или стрелять по акулам. И вообще на всякий пожарный, когда ходишь между островами.

- Что случилось, черт тебя дери? - повторяет Эдди. - Что случилось?

- Ничего не случилось, - ответил я. Лодку качнуло, револьвер хлопнул меня по бедру, и я взглянул на Эдди. Пожалуй, спешить не будем, подумал я. Он мне как раз и сгодится.

- Есть одно дельце, - говорю. - В Бакуранао. Придет время, я скажу, что делать.

Загодя ничего рассказывать не хотелось, так как я знал, что он занервничает, перетрусит, и тогда от него проку не жди.

- Гарри, лучше меня ты никого не сыщешь, - говорит он. - Я самый подходящий для тебя человек. Можешь на меня положиться.

Я посмотрел на него – какой он длинный, мутноглазый, дрожащий – и отмолчался.

– Слушай, Гарри. Дай хоть глоточек, – попросил он. – А то трясучка одолела.

Дал я ему отхлебнуть, а потом мы просто сидели и ждали, когда стемнеет. Закат вышел на славу, стоял приятный легкий бриз, и когда солнце совсем закатилось, я врубил мотор и на малом ходу пошел к берегу.

Глава четвертая

Остановились уже в полной темноте, в миле от суши. С заходом солнца течение набрало силу, и я заметил, что лодку прилично сносит к берегу. К западу проглядывался маяк Морро, над Гаваной стояло мягкое зарево, а ровно напротив нас лежали Ринкон и пляж Баракоа. Я пошел против течения, пока не миновал Бакураана, почти что выйдя к Кохимару. Вот теперь пусть дрейфует. Кругом темно, но я отлично знал, где мы находимся. Все огни у меня на борту были погашены.

– Гарри, ты чего затеял? – спрашивает Эдди. Его опять разобрал страх.

– А ты как думаешь?

– Не знаю, – отвечает. – Ты меня пугаешь.

Еще чуть-чуть, и его начнет трясти, а когда он придвинулся, я почувствовал чужое дыхание, вонючее, будто у стервятника.

– Который час?

– Сейчас посмотрю, – говорит. Сходил, вернулся и сказал, что половина десятого.

– Голодный? – спрашиваю.

- Нет, - отвечает он. - Ты же знаешь, что я так просто не могу есть. А, Гарри?

- Ладно, - говорю. - Глотни разок.

Когда он глотнул, я спросил, как ему теперь. Он сказал, что теперь ему хорошо.

- Немного погодя еще получишь, - пообещал я. - Я же знаю, что ты сдрейфишь, если тебе не дать рому, но выпивки у нас мало. Так что полегче налегай.

- Ты лучше объясни, что к чему, - сказал Эдди.

- Вот слушай, - говорю я ему в темноте. - Мы идем в Бакураанао, где возьмем на борт дюжину косоглазых. Когда придет время, встанешь к штурвалу и будешь делать, чего я скажу. Итак, берем косоглазых и запираем их в носовой каюте. Так что дуй сейчас на бак, задрайшь там люк снаружи.

Он отправился на нос, и я видел его силуэт на темном фоне. Вернулся и говорит:

- Гарри, а можно мне сейчас тот глоточек?

- Нет, - отвечаю. - Я даю тебе ром только для храбрости, а не для того, чтоб развезло.

- Гарри, я надежный человек. Вот увидишь.

- Забулдыга ты, - говорю я. - Короче, слушай. Один китаёза привезет эту дюжину на своей лодке. Сначала он даст мне задаток. Когда эти все усядутся, он даст еще денег. Как только увидишь, что он дает мне деньги второй раз, тут же врубай мотор и разворачивайся в море. Если что произойдет, не обращай внимания. Что бы ни творилось, давай полный вперед. Ты понял?

- Да.

- Если по дороге увидишь, что кто-то из желтопузых лезет наружу, то ли из каюты, то ли через люк, хватай помповик и загоняй обратно. Как с помповиком обращаться, знаешь?

- Нет. Но ты можешь научить.

- Все равно не запомнишь. Так, а с винчестером?

- Надо дергать рычаг и жать на спуск.

- Правильно, - говорю. - Только смотри, дырок в корпусе не понаделай.

- Дал бы ты мне глоточек.

- Ладно. Немножко дам.

Отхлебнуть я ему дал по-настоящему. Я знал, теперь-то он не опьянеет; вся эта выпивка уйдет в страх. Но каждый глоток позволит ему еще продержаться. После спиртного Эдди заявил - чуть ли не счастливым тоном:

- Стало быть, мы теперь желтопузых возим. Бог свидетель, я всегда говорил, что буду возить желтопузых, как только дойду до ручки.

- Так ты что, только сейчас до ручки дошел? - говорю ему. Честное слово, дурной он какой-то.

К половине одиннадцатого Эдди получил еще три глотка для храбрости. Возня с ним отвлекала от тяжелых мыслей. Я и не думал, что придется так долго ждать. Поначалу-то планировал сняться, как только стемнеет, и, держась подальше от света, вдоль берега идти на Кохимар.

Около одиннадцати я увидел на мысу пару огней. Чуть выждал и двинулся к берегу малым ходом. Бакурао - бухточка, где прежде был большой причал для погрузки песка. Когда дожди размывают песчаную косу, то с моря в бухту вливается как бы небольшая речка. Зимой северный ветер наносит еще песка и запирает воде выход. В свое время сюда заходили шхуны загружаться плодами гуавы с реки, и там был городишко. Но его разрушило ураганом, и остался один лишь дом, который гальего соорудили из обломков снесенных ураганом халуп; он служит им чем-то вроде клуба: по воскресеньям они ездят туда из Гаваны купаться и устраивать пикники. Есть там еще одно строенье, где живет поселковый уполномоченный, однако его дом стоит в глубине, довольно далеко

от берега.

В каждом таком селении на побережье есть представитель властей, но я был уверен, что китаец с ним договорился насчет своей лодки. Когда мы подошли ближе, в воздухе поплыл аромат морского винограда-кокколобы и тот характерный сладковатый запах кустарников, которым всегда протягивает у берега.

- Марш на бак, - сказал я Эдди.

- Здесь не на что наткнуться, - возразил он. - Риф по другую руку.

Да, когда-то он был неплохим моряком.

- Все равно гляди в оба, - сказал я и повел туда, где нас должно быть видно. Стук мотора тоже наверняка различим, раз прибор стоял несильный. Мне не хотелось ждать на одном месте, гадая, заметили нас или нет, так что я разок мигнул ходовыми огнями, зеленым и красным. После чего вновь развернулся, пошел мористее и там лег практически в дрейф, лишь чуточку подрабатывая винтом. Здесь, вблизи берега, уже прилично покачивало.

- Ладно, давай-ка сюда, - позвал я Эдди и плеснул ему неразбавленного.

- А курок взводят как, большим пальцем? - шепнул он. Сейчас за штурвалом сидел Эдди, а я возился с чехлами, освобождая приклады, чтобы они торчали сантиметров по пятнадцать.

- Именно.

- Эх, где наша не пропадала! - говорит.

Удивительно, до чего мощно и быстро действовала на него выпивка.

Мы лежали в дрейфе, и сквозь заросли кустарника я видел свет в доме уполномоченного. Оба фонаря на мысу кто-то опустил, затем один огонек появился с другой стороны. Второй, должно быть, задули.

Потом смотрю, из бухты к нам идет лодка, где стоит человек, который гребет кормовым веслом. Это я понял, видя, как он раскачивается из стороны в сторону. Стало быть, весло широченное. Что ж, прекрасно. Раз орудуют кормовым, значит, там один-единственный гребец.

Они поравнялись с нами.

– Добрый вечер, капитан, – молвит мистер Синг.

– Заходите с кормы и швартуйтесь бортом, – говорю ему.

Он что-то сказал своему гребцу, но тот не мог кормовым веслом дать задний ход, поэтому я сам ухватился за планшир и толкнул их лодку себе за корму.

В лодке сидело восемь человек. Шесть китайцев, мистер Синг и тот паренек с веслом. Когда я нагнулся, чтобы подтянуть их лодку, то подумал: вот сейчас меня и хватят по башке, но ничего, обошлось. Я выпрямился и велел мистеру Сингу придерживать за корму.

– Так, – говорю, – показывайте, что там у вас.

Он передал мне рулончик купюр, я отнес их к штурвалу, где стоял Эдди, и включил нактоузный фонарь. Внимательно осмотрел бумажки. Вроде все в порядке, так что освещение я выключил. Эдди трясло.

– Ладно, – говорю ему, – подбодрись чуток.

Он протянул руку за бутылкой и опрокинул ее доньшком кверху.

Я вернулся на корму.

– Ладно, – сказал я. – Давайте вашу шестерку.

Тем временем мистер Синг с гребцом-кубинцем всю старались, чтобы их лодку не ударило мне об корпус на такой волне. Мистер Синг что-то буркнул на своем китайском наречии, и все его соплеменники разом полезли мне на корму.

- Эй! - говорю. - По одной штуке.

Он опять что-то буркнул, и ко мне на борт по очереди поднялось шесть косоглазых. Один другого чуднее.

- Проводи гостей на бак, - сказал я Эдди.

- Прошу сюда, джентльмены, - говорит тот. Ей-богу, сразу стало ясно, что глоточек вышел изрядный.

- Запирай каюту, - скомандовал я, когда они все туда набились.

- Есть, сэр, - сказал он.

- Сейчас привезу остальных, - говорит мистер Синг.

Я их оттолкнул, и парнишка в лодке заработал своим веслом.

- Слушай, - сказал я Эдди, - оставь бутылку в покое. Ты уже набрался храбрости.

- Есть, шкип! - отвечает.

- Так, что с тобой?

- А мне это все нравится, - заявляет Эдди. - Значит, курок вот так отжимают, говоришь?

- Забулдыга ты несчастный, - сказал я ему. - Дай-ка мне тоже хлебнуть.

- Больше нет, - сказал Эдди. - Извини, шкип.

- Ладно, слушай. Смотри теперь в оба: как только он передаст мне деньги, сразу врубай мотор.

- Есть, шкип.

Я протянул руку, выудил новую бутылку, достал штопор и вытащил пробку. Сделал солидный глоток и отправился на корму, где поплотнее вбил пробку на место и сунул спиртное между парой оплетенных бутылей, доверху налитых питьевой водой.

- А вот и мистер Синг, - говорю я Эдди.

- Да, сэр, - отвечает.

Вихляясь, к нам приблизилась лодка.

Гребец подвел ее к корме, и я подождал, пока они понадежней ухватятся. Мистер Синг вцепился в роульс, что стоит у нас поперек кормы: мы по нему крупную рыбу на борт затаскиваем.

- Пусть поднимаются, - сказал я. - По одному.

Еще шесть китайцев в ассортименте взошли к нам на корму.

- Отведи их к остальным, - сказал я Эдди.

- Есть, сэр.

- Каюту запри, слышишь?

- Есть, сэр.

Потом смотрю, он вновь стоит у штурвала.

- Ладно, мистер Синг, - говорю. - Давайте поглядим на остальное.

Он сунул руку в карман и протянул ее мне вместе с деньгами. Я тут же в нее вцепился, а когда он шагнул на борт, другой схватил его за горло. Я почувствовал, как мой катер вздрогнул и пошел, вспенивая воду на развороте, и хоть я был здорово занят мистером Сингом, отметил про себя кубинца с веслом, что стоял на корме своей лодки, когда мы отходили от нее под корчи и судороги

мистера Синга. А корчился и бился он похлеще дельфина, насаженного на острогу.

Руку я ему завернул за спину, да надавил покрепче, даже чересчур, потому как там что-то поддалось. Он при этом как-то странно пискнул, прыгнул на меня – а я уже держал его за горло – и укусил в плечо. Но когда я понял, что мистеру Сингу вывернуло сустав, его руку я отпустил. Теперь от нее никакого толку, верно? Словом, ухватил я его за глотку уже по-настоящему, а он бьется что твоя рыба, покалеченной рукой машет. Но я его придавил на колени-то, а большими пальцами хорошенько нажал под челюстью и давай дожимать, загибая назад, пока там у него не хрустнуло. А кто думает, что хруста этого не слышно, сильно ошибается.

Когда он затих, я еще подержал его чуток, потом уложил поперек кормы. Он лежал на спине, притихший, в отличном костюме, свесив ноги в кокпит; так я его и оставил.

Я сгрел деньги с палубы, пошел в рубку, зажег нактоузный огонь и пересчитал их. Потом встал за штурвал, а Эдди послал на ют за железякой, которой пользуюсь вместо якоря, когда мы рыбачим на отмелях или там, где каменистое дно.

– Я не найду, – отвечает. Страшно ему было оказаться возле мистера Синга.

– Стань к штурвалу, – сказал я. – Держи в море.

Под палубой шла какая-то возня, но этих я не боялся.

Я взял парочку подходящих кусков железа, которыми разжился на старом угольном причале на Драй-Тортугас, и линем прихватил их к щиколоткам мистера Синга. А потом, когда мы отошли мили на две еще мористее, я его столкнул. Он с готовностью съехал по роульсу. В карманах я у него не рылся. Связываться еще.

Он немножко протек на корму изо рта и носа, я забросил ведро, и меня чуть не выдернуло за борт, на нашей-то скорости, и хорошенько почистил под кормой шваброй.

- Сбавь ходу, - сказал я Эдди.

- А если всплывет? - спрашивает.

- В том месте, где я его окунул, семьсот саженей глубины, - говорю. - Это, брат, не шуточки. А всплывать он начнет, только когда загазит, и то его потянет течением, да и всю дорогу рыб прикармливать будет. Да ну к черту, - говорю, - нашел из-за чего беспокоиться.

- А чего ты с ним не поделил-то? - спрашивает меня Эдди.

- Да ничего, - отвечаю. - Покладистый уж больно, в жизни таких не встречал. Как пить дать, дело нечисто.

- Убивать-то зачем?

- А чтоб дюжину других желтопузых давить не пришлось.

- Гарри, - говорит. - Дай глотнуть, тошнехонько мне.

Дал я ему отхлебнуть.

- А с косоглазыми теперь что? - спрашивает Эдди.

- Долой с борта и как можно скорее, - отвечаю. - Пока всю каюту мне не провоняли.

- И где ты собрался их ссаживать?

- А вон на том пляже.

- То есть поворачиваем?

- Поворачивай, - говорю. - Только медленно.

Мы шли малым ходом над рифом, пока перед нами не забелел в темноте пляж. Риф этот лежит довольно глубоко, а дальше дно совсем песчаное, пологое, до самого берега.

- Марш на бак, глубину мерять.

Эдди стал делать промеры багром, на древке показывая отметины ладонью. Потом махнул мне, мол, стоп. Я пошел на ют.

- Здесь уже метра полтора.

- Встаем на якорь, - говорю. - Если что случится, просто рубим конец.

Эдди вытравливал якорный конец, пока лодку не перестало тащить. Когда он затянул узел, течением ее развернуло кормой к берегу.

- Ты знаешь, здесь ведь песок, - сказал он.

- Сколько сейчас под кормой?

- Метр с чем-то.

- Бери винтовку, - говорю. - И повнимательней.

- Дай разочек, - просит. Он здорово раскис.

Я дал ему глотнуть и взял помповик. Отомкнул дверь в каюту, распахнул ее и сказал:

- Выходи.

Не тут-то было.

Потом один китаёза высунул голову за дверь, увидел Эдди с винчестером и тут же нырнул обратно.

- Выходи давай. Никто вас не тронет, - говорю.

Та же история. Только гомонят вовсю, а больше ничего.

- Эй! Вылетай! - заорал Эдди. Ей-богу, не иначе, до бутылки добрался.

- А ну отставил ее в сторону, - сказал я ему. - Или сам у меня с лодки вылетишь. - Выходи, - продолжаю я им. - Не то стрелять начну.

Смотрю, а один из них выглядывает из-за двери; увидел, должно быть, пляж, потому что пошел бормотать что-то по своему.

- Давай уже, - говорю, - а то правда выстрелю.

Они и полезли.

Я вам так скажу: надо быть не знаю каким душегубом, чтобы взять и расправиться хотя бы с китаёзами, к тому же дело это не только хлопотливое, но и пачкотное.

В общем, вылезли они, все как один перепуганные; оружия у них никакого нет, зато их целых двенадцать.

Я попятился ближе к корме, выставив помповик, и сказал:

- Давай за борт. Тут выше головы не будет.

Стоят, жмутся.

- Пошли, говорю.

Опять стоят.

- Эй! - встревает Эдди. - Крысоеды желтопузые! Марш за борт!

- Заткни свою пьяную харю, - говорю.

- Плавать нет, - сообщает тут один желтопузый.

- А плавать не надо, - говорю. - Здесь глубина совсем мало-мало.

- А ну давай, веселей! - не унимается Эдди.

- Так, иди-ка сюда, - сказал я ему. - Винтовку держи одной рукой, другой возьми багор и сам им покажи, какая тут глубина.

Он им и показал докуда древко мокрое.

- Плавать не нада? - переспрашивает меня тот же китаец.

- Не надо.

- Правда?

- Да.

- Наша где?

- Куба.

- Сволочь ты, - сказал он и полез через борт, повисел там немного и отпустил. Окунулся, правда, с головой, но всплыл и оказался по шею в воде. - Сволочь проклятый, - сказал он. - Черт, жулик.

Он здорово разозлился и ничего не боялся. Пролопотал что-то по-своему, и остальные китайцы полезли в воду с кормы.

- Ладно, - говорю я Эдди. - Вирай якорь.

Мы двинулись в море, показалась луна, и видно было, как желтопузые бредут по шею в воде к берегу, где сиял пляж, а чуть подальше темнел кустарник.

Мы прошли над рифом, я еще разок оглянулся, поглядел на пляж, на громадину гор и положил лодку курсом на Ки-Уэст.

- Теперь можешь покемарить, - сказал я Эдди. - Хотя стой, сбегай-ка вниз, распахни там все иллюминаторы, чтобы проветрило, да принеси мне йоду.

- А что такое? - спросил он, когда вернулся с пузырьком.

- Палец поцарапал.

- Хочешь, я поручю?

- Иди проспись, - отвечаю. - Я разбужу.

Он растянулся на скамейке, что была встроена в стенку кокпита над топливным баком, и вскорости уснул.

Глава пятая

Придерживая штурвал коленом, я расстегнул рубашку и посмотрел, куда меня цапнул мистер Синг. Тот еще укус, так что я плеснул хорошенько йоду, а потом просто сидел, правил и все размышлял, может ли китайский укус быть ядовитым. Мотор деловито урчал, лодка шла быстро да гладко, и я подумал, что это все ерунда, не будет от того укуса никакого заражения. Тип вроде мистера Синга наверняка чистит зубы по два-три раза в день. Хорош гусь, этот ваш мистер Синг. Никакой он не деловой. А может, и деловой. Может, он мне просто доверял. Я же говорю, мутный он, поди разбери.

Ну вот, теперь все по-простому, если не считать Эдди. Он же пьянчуга и, стало быть, проболтается, едва хватит лишнего. Я сидел там, правил, глядел на него и думал: проклятье, ведь в нем и в живом проку не больше, чем в мертвом, а с меня были бы взятки гладки. Давеча, увидев его на лодке, я решил было, что придется с ним кончать, но когда все так хорошо сложилось, у меня не хватило духу. А теперь смотрю на него, как он там дрыхнет, и внутри все так и подмывает. Но потом я подумал, что не стоит все портить, сделав то, о чем

придется жалеть. И тут в голову пришло, что он даже не значится в судовой роли и, стало быть, с меня сдерут штраф, раз я его привезу, и что теперь с ним делать, непонятно.

Ну, времени все обмозговать еще предостаточно, и я просто держал лодку на курсе, время от времени подкрепляясь из бутылки, которую он же и принес. Правда, оставалось на донышке, так что когда я ее прикончил, то открыл еще одну, последнюю, которая у меня имелась с собой, и, скажу я вам, было очень славно сидеть, править штурвалом, да и ночь для перехода выпала славная. Удачно все сложилось в конечном-то итоге.

Настал белый день, и Эдди проснулся. Пожаловался, что ему плохо.

- Подержи штурвал, - сказал я ему. - Надо бы все проверить, осмотреться.

Сходил на ют, окатил палубу водой. Вроде чисто. Прошелся шваброй по бортам. Разрядил оружие, убрал вниз, только револьвер на поясе оставил. В каюте опрятно, везде порядок, никакой тебе вони. Правда, койку по правому борту немного забрызгало водой через распахнутый иллюминатор, но это не страшно. Я все задраил, еще разок огляделся. Ни один таможенник теперь не учует, что на лодке были китайцы.

Выправленные документы так и остались в той сеточке, куда я их сунул, под рамкой с лицензией на мою лодку. Я их оттуда вынул, еще разок проглядел и вылез в кокпит.

- Слушай, - говорю. - Ты каким каким оказался у меня в судовой роли записан?

- Встретил агента, когда он шел в консульство, ну и сказал ему, что я у тебя в команде.

- Пьяного да малого бог бережет, - буркнул я, снял свой револьвер и пошел вниз убирать на место.

Наварил в каюте кофе, потом поднялся и встал к штурвалу.

- Там внизу кофе, - говорю ему.

– Эх, брат, да что мне твой кофе...

Я ему даже посочувствовал. Он и впрямь выглядел паршиво.

Часов где-то в девять чуть ли не прямо по носу мы увидели огонь сэндкийского маяка. А еще задолго до этого стали попадаться танкеры, шедшие в Мексиканский залив.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Конч (искаж. от исп. la concha, «ракушка») – выходец с островов Флорида-Кис. – Здесь и далее примечания переводчика.

2

Гальего – грузчик, поденный рабочий (на Кубе).

3

Для профилактики цинги в XVI веке английским матросам предписывалось пить лимонный сок; отсюда и пошло это насмешливое прозвище.

4

Бодэга (исп.) – кабачок, винный погреб.

Купить: https://tellnovel.com/ru/heminguey_ernest-miller/imet-i-ne-imet

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)